

*Иван Сергеевич РОМАНЧУК —
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
кандидат юридических наук*

УДК 342.3

ВЛАСТНЫЙ ПРОИЗВОЛ ИЛИ ПРОЯВЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

АННОТАЦИЯ. Изыскание посвящено проблеме соотношения реальных ограничений власти и суверенитета государства. При этом сравнение осуществляется при рассмотрении суверенитета с точки зрения персоналистической, демократической и имманентной государственной воли концепций, на основе теории индифферентных методологических рядов.

The investigation is dedicated to a problem of correlation of power and state sovereignty real restriction. In this instance a comparison is realizing with sovereignty investigation on the personal, democratic and immanent state will's theories side, on the indifferent methodological strings foundation.

Известное высказывание Ш. Л. Монтескье в его знаменитом произведении «О духе законов» гласит: всякий, имеющий власть, стремится ею злоупотреблять; он всегда простирает свою власть так далеко, как может. К сожалению, история предоставляет нам только доказательства данного тезиса величайшего ученого прошлого. В свою очередь, учение о суверенитете во всех трех теориях, о которых пойдет речь ниже, настаивает на верховенстве государственной власти¹. Верховенство же, как известно, означает, что выше власти в государстве нет никакой другой, все другие власти производны от государственной.

В связи с этим возникает вопрос, не является ли ограничение власти (правом, законом, гражданским обществом и т.д.) нарушением одного из главных признаков государства — суверенитета, отличающего его от других организаций общества? То есть является ли безграничное властвование (или попросту властный произвол) проявлением государственной закономерности, связанной с обладанием властью, таким ее свойством, как суверенитет. Другими словами, суверенитет и предполагает никем и ничем не ограниченное властвование, которое мы, как правило, называем произволом. Или наоборот, нельзя рассматривать суверенитет как оправдание всевластия. Поставленные вопросы попытаемся разобрать в данном исследовании, методологической базой которого является теория индифферентных методологических рядов [3].

Актуальность рассмотрения далеко не новых в государствоведении учений о государственной власти и суверенитете вызвана острой политической борьбой за обладание властью во всем мире, а особенно в странах ближнего зарубежья, усиление централизации власти в Российской Федерации, что и является стремлением власти к безграничному управлению всеми процессами общественной жизни. Кроме того, рассмотрение этих вопросов имеет и методологическую ценность, так как выбранный нами метод помогает с большой тщательностью и чистотой обособления различных сторон проанализировать наиболее глубинные пласты в сущности как властных отношений, так и суверенитета, способствует

¹ Слово «суверенитет» происходит от французского «souverain» — «верховный».

раскрытию и познанию природы данных явлений. Тем более, что до этого изучение возможностей совмещения суверенитета и ограничений власти на основе такого метода в науке еще не осуществлялось. Исследование данной проблемы, по нашему мнению, доказывает существование выявленной нами (выше обозначенной) государственной закономерности властных отношений.

Итак, возможно ли существование суверенитета государства и при этом наличие реальных ограничений власти. Здесь мы подчеркиваем большое значение реальности ограничений, так как всем известно, что некоторые мнимые ограничения выдумывает сама государственная власть в оправдание своего произвола и бесконтрольности. Необходимо также отметить, что ограничения государственной власти, как и сама власть, если строго следовать выбранной нами методологии, имеют методологическую двуликость. Так ограничения, рассматриваемые как суждения, входящие в правовую норму и устанавливающие связь между понятиями [3; 34-35, 13-14], несомненно находятся в ряду, чуждом всякой онтологии. Ограничения же психологические, социологические, политические и др., то есть реальные, конечно же, и сами движутся в реальном ряду. В данном исследовании нас интересуют только реальные ограничения власти.

Суверенитет же в различные периоды развития общества имел специфические оттенки понимания². Нам известны три наиболее распространенные теории суверенитета в истории политической и правовой мысли. Подробней представим соотношение ограничений власти с тремя различными концепциями понимания суверенитета.

1. Суверенитет возник не как плод «кабинетной научной работы и беспристрастного философского размышления, но явился результатом суровой борьбы государств европейской культуры за свое самосохранение и самоутверждение» [1; 122]. Средневековая государственность вынуждена была оспаривать свое право на единоличное властвование с тремя главными силами: церковью, римской империей и крупными феодальными единицами [2; 321]. Тогда государство и возводит свое право на абсолютное, верховное властвование, именуемое в дальнейшем суверенитетом. Поэтому первоначально возникла персоналистическая идея суверенитета как особого положения властвующих над подвластными, где полнотою власти обладал единоличный властитель (доктрина монархического суверенитета) [1; 123]. Так, согласно формуле Людовика XIV: «Государство — это я».

Понятно, что данная теория выдвигает в понимании государства на первый план начало не множества, а единства, не взаимной зависимости, а одностороннего и безусловного господства над всем в государстве властвующей воли [4; 55]. Именно согласно данной формуле суверенитет стал отличительным признаком государства, который впервые выдвинул Жан Боден, определивший суверенитет как «безусловную, ничем не ограниченную и ничем не обусловленную власть» [5; 241].

Соответственно данная теория на первый взгляд категорически не допускает возможности одновременного существования реальных ограничений власти и наличия суверенитета государства, то есть либо признание за государством, в том числе и народом, суверенитета, либо необходимости наличия реальных ограничений власти. Но тот, кто так рассуждает, совершает недопустимое, с точки зрения методологии, введение в ирреальный ряд реальной категории силы.

² Здесь мы не стали доказывать, что суверенитет находится в ирреальном ряду, так как это уже сделал И. А. Ильин [3; 35].

В связи с тем, что суверенитет рассматривается как реальное свойство государства, то есть суверенитет, как любое свойство, помещается в онтологический ряд, так как свойство — это внешнее выражение качества явления, или то, чем обладает и проявляет себя в объективной действительности это явление. Поэтому правильнее следует говорить о невозможности существования суверенитета и реальных ограничений власти в одном методологическом ряду. Сделанный вывод еще раз доказывает давно существовавший в науке тезис, что такое понимание суверенитета является не правовым, а политическим.

2. В пылу борьбы против абсолютизма и авторитаризма была сформулирована противоположная первой теории концепция демократического (народного) суверенитета, утверждающая, что верховным властителем в государстве является весь народ, другие же «власти» в государстве занимают по отношению к нему положение несамостоятельное, а производное [1; 123].

На первый взгляд может показаться, что данная теория в силу своей демократичности допускает возможность существования и суверенитета, и ограниченной государственной власти, так как эта власть — производная от народной, которая, в свою очередь, безраздельна и не может быть ограничена, что идеально вписывается в конструкцию суверенитета верховной власти. При ближайшем же рассмотрении эта концепция является в корне не состоятельной и так же, как и первая, методологически не выдержанной. Во-первых, потому, что, по существу, принадлежность и осуществление суверенной власти народом — это фикция, вымысел никогда не существовавшей власти народа, так как народ невозможно определить ни в количественном, ни в качественном отношении. Более того, невозможно дать утвердительные ответы на такие вопросы, как: Какое количество человек может образовать народ? Существует ли народ города? Что образует народ, кроме совместного проживания на территории? Существуют ли качественные признаки народа? и т.д. [7; 97]. И тем более осуществлять власть субъектом, которого нельзя определить, еще невероятнее. Кроме того, даже на самых демократических выборах часть голосов избирателей остается неучтенной. Так, например, против принятия конституции 1993 года проголосовало 41,6%, или 25 млн 250 тыс. 125 избирателей. Помимо этого, представляется, что термин «народ» используется властью, как мы говорили, для создания видимости ее ограничений. Народом прикрываются, чтобы более безболезненно внедрять и проводить в обществе решения экономически господствующего класса или, если угодно, правящей элиты под эгидой воплощения народной воли. В. А. Четвернин совершенно справедливо утверждает по этому поводу, что «серьезное восприятие идеологической конструкции «народ — носитель суверенитета» — это шаг назад...» [6; 562]. В связи с вышеизложенным концепция демократического (народного) суверенитета не только не совместима с ограничениями власти, а попросту является вымыслом, не имевшим, не имеющим и никогда не будущим иметь реального воплощения. Во-вторых, с точки зрения научной теории власти, как справедливо заметил Н. Н. Алексеев, данная концепция так же, как и первая, исходит из одних и тех же предпосылок, из взгляда на государство как на властное отношение, одному из членов которого приписывались особые свойства полноты и верховенства [1; 124]. Поэтому здесь также происходит недопустимое методологическое смешение, о котором говорили выше.

3. Впоследствии появляется совершенно другая идея, которая рассматривает суверенитет на основе теории имманентной государственной воли. Суверенитет

здесь понимается как свойство автономной и независимой воли, которою обладала личность государства. «Суверенитет с этой точки зрения является уже не свойством некоторых обладающих особым положением элементов в системе государственного властвования, но особым свойством государственного целого. Так создается учение о так называемом государственном суверенитете, противопоставляющее себя одинаково и теории монархического суверенитета и теории суверенитета народного» [1; 124].

По мнению автора, в данной теории допускаются некоторые методологические неровности, в частности, суверенитет рассматривается как свойство или как вид власти, что опять-таки ведет к невозможному методологическому смешению различных индифферентных рядов.

С нашей позиции суверенитет как признак государства находится в ирреальном ряду и поэтому свободен от всякой силы, а реальные ограничения власти, естественно, в онтологическом, и поэтому к ним применима категория силы. Исходя только из этой точки зрения, по нашему мнению, допускается сосуществование данных явлений. Когда же мы производим смешивание суверенитета с силой, то нарушаем методологию, в связи с чем одно понятие противоречит другому. В реальном же ряду происходит действие отмеченной выше закономерности — сопротивление власти, обладающей суверенитетом, любым ограничениям.

Сделанный нами вывод также доказывает отсутствие такого понятия как ограниченный суверенитет, так как суверенитет и ограничения власти находятся в разных методологических рядах, и соответственно, суверенитет либо есть, либо его нет.

Резюмируя сказанное, отмечаем, что нахождение суверенитета и реальных ограничений власти в онтологическом ряду невозможно, а соответственно говорить, что в объективной действительности может существовать суверенная власть, но при этом она ограничена, должна быть ограничена или может быть ограничена (правом, законом, гражданским обществом и т.д.) нелепо и пагубно, то есть в действительности существует закономерность: желание власти простирает свое влияние на все и на всех, поскольку она суверенна, если же мы ее ограничиваем, то она утрачивает свойства суверенной.

Поэтому политики, которые говорят, что они всего лишь осуществляют суверенную власть народа, так же лгут, как и те, которые утверждают, что суверенная государственная власть ограничена законом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М.: Московское научное издательство, 1919. 167 с.
2. Еллинек Г. Право современного государства. СПб., 1908. 599 с.
3. Ильин И. А. Понятие права и силы. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнеров и К°, 1910. 38 с.
4. Коркунов Н. М. История философии права. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1915. 347 с.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. 364 с.
6. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М.: НОРМА, 1999. 832 с.
7. Цишковский Е. А., Кузакбирдиев С. С. // Идея народовластия в российской правовой идеологии и доктрине (критический очерк). Органы государственной власти Российской Федерации в условиях разделения властей. Тюменский юридический институт МВД РФ. Тюмень, 2005. С. 97-103.